

лариса миллер

Поэтическая библиотека
Серия основана в 1993 году

лариса миллер
праздники по будням

Москва 2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
М60

Оформление — *Дмитрий Минеев*

М60 **Миллер Л. Е.**
Праздники по будням. — М.: Время, 2013. — 128 с. —
(Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-0845-5

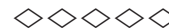
В новую книгу известного поэта, прозаика, эссеиста Ларисы Миллер вошли стихотворения, выбранные из личного блога автора «Стихи гуськом: новые и старые», который был открыт примерно два года назад и к настоящему времени насчитывает около полутора тысяч произведений. При составлении подборки сохранён главный принцип блога — переключки стихов последних лет с ранее написанными.

ББК 84Р7-5

ISBN: 978-5-9691-0845-5

© Лариса Миллер, 2013
© «Время», 2013

Творенье — разве это труд?
Синь неба, листьев изумруд,
Цветок, что на земле родился,
Да разве наш Господь трудился?
Вдохнул и выдохнул — и вот
Земная твердь, небесный свод.
2009

Для грусти нету оснований,
Кочуем в длинном караване
Всех поколений и веков,
Над нами стая облаков,
А перед нами дали, дали...
И если полюбить детали,
Окажется, что мы богаты
Восходом, красками заката,
И звуками, и тишиной,
И свистом ветра за стеной,
И тем, как оживают листья
Весной. И если в бескорытье
Земных поступков наших суть,
Не так уж тяжек этот путь.
1969

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Той вечности, что не спешит
И вместе с тропами петляет,
И след, который оставляет,
Сама же снегом порошит.

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Ребёнка, что едва-едва
Земли коснулся, встав на ножки,
И удивляется дорожке,
И силится сказать слова.

2012

Шито белыми нитками наше житьё.
Посмотри же на странное это шитьё.
Белой ниткой прошиты ночные часы.
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дёргая нить.
Шито всё на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдётся по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.
Но сегодня тишайший густой снегопад.
Белоснежные нитки прошли простор
В драгоценной попытке отсрочить разор,
Всё земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.

1976

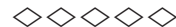
Зачем лета свои считать?
Уж лучше, как они, летать.
«Вам сколько?» — спросят. «Не считала.
Я просто знай себе летала
И у летящих лет крыла
Порою на прокат брала».

2011

Дитя лежит в своей коляске.
Ему не вырасти без ласки,
Без млечной тоненькой струи.
О Господи, дела твои.

Тугое новенькое тельце
Младенца, странника, пришельца,
Который смотрит в облака,
На землю не ступив пока.

2006

Никто ведь не должен тебе ничего.
Ты праздника хочешь? Придумай его.
По песне тоскуешь? Так песню сложи
И всех окружающих приворожи.
По свету скучаешь? Чтоб радовал свет,
Ты сам излучай его. Выхода нет.

2011

Очень трудно быть живой,
Жить, как транспорт гужевой
В век высоких технологий,
И, едва таская ноги,
Всё же всюду попевать,
С энтропией воевать,
В завтра светлое тащиться
И ещё при этом тщиться
Сохранить задор юнца
До победного конца.

2001

Люблю тебя, моё перо.
Люблю за то, что ты летуче,
И, написав: «Чернеет туча»,
Ты тут же пишешь: «Серебро».
Ты тут же во второй строке
Снег воспеваешь серебристый,
Но, покоряясь смене быстрой,
Дрожишь на вешнем сквозняке.

О, как же мы с тобой летим,
И как движенью доверяем,
И как стремительно ныряем
В тот миг, что горек и сладим.
А нынче мы с тобой вдвоём
Встречаем утро в упоенье,
И нерождённое мгновенье
Висит на кончике твоём.

2011

Сколько напора, и силы, и страсти
В малой пичуге невидимой масти,
Что распевает, над миром вися.
Слушает песню вселенная вся.
Слушает песню певца-одиночки,
Ту, что поют, уменьшаясь до точки,
Ту, что поют на дыханье одном,
На языке, для поющих родном,
Ту, что живёт в голубом небосводе
И погибает в земном переводе.

1987

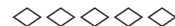
Валентину Непомнящему

В земном-небесном понимаю толк:
Каков на ощупь трав весенних шёлк
Я знаю хорошо. И шёлк небесный
Я чувствую — немнущийся, чудесный.
И меж земным-небесным находясь,
Я связи не теряла отродясь
С тем и с другим, хоть часто и не шёлком
Они бывали и смотрели волком.

31 декабря 2011

Идти на убыль не пора:
В смоле сосновая кора,
Сегодня солнечно и сухо,
И песнь, приятная для слуха,
Звучнее нынче, чем вчера;
И птица кончиком крыла
Черкнула на озёрной глади,
Что мы живём лишь Бога ради,
И взмыла в небо, как стрела.

1987

А небо тоже одиноко.
Оно, живя от нас далёко,
Тоскует так, что хоть кричи,
И тянет к нам свои лучи.

2008

Храни нас Бог, храни, храни.
Мы в этом мире без брони.
Земля уходит из-под ног.
Но, Господи, и Ты бы мог
Любой душе средь бела дня
Шептать: «Храни, храни меня».

2003

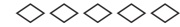

Столько нежности, Господи. Воздух, крыло.
Третий день снегопад. Даже ночью бело.
Столько нежности, Господи, маленьких крыл,
Будто Ты мне все тайны сегодня открыл.
Не словами, а прикосновеньем одним
К волосам, и губам, и ресницам моим.

2008

А между тем, а между тем,
А между воспалённых тем
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты, и я,
Пропитанные злобой дня.

1994

Ах, стрекоза Большое коромысло,
Не исчезай. Ведь ты мне вместо смысла.
Ты как ответ на тот больной вопрос,
Какого не бывает у стрекоз:
Зачем? Зачем? Затем, чтоб чудный планер
На миг один в среде воздушной замер,
Присел, взлетел, вошёл в крутой вираж.
И если даже большего не дашь,
О Господи, я буду благодарна
За крылышко, что нынче светозарно.

2011

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
Листва надо мной золотистою тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
Сквозь жёлтые листья видны небеса.
Удача и праздник, и случай счастливый:
Струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века:
Под ивой плакучей струится река.

1980

Элвису

1

Он петь хотел. Он просто петь хотел.
Он петь хотел, и чтоб ему внимали,
И чтобы голос высоко летел,
И чтоб, кого любил, не отнимали.
Он пел и пел, пока бессмертный дар
Смертельный не нанёс ему удар.

2

Висим на ниточке, но если
Поёт бессмертный Элвис Пресли,
Коль «Love me tender» он поёт,
Никто на свете не умрёт.

Коль, набирая обороты,
Поёт он, с самой верхней ноты
В басы стремительно скользя,
Всё можно. Умереть нельзя.

2012

Oh, I believe in yesterday...
Beatles

Пели «Yesterday», пели на длинных волнах,
Пели «Yesterday», так упоительно пели,
И пылали лучи, что давно догорели,
Пели дивную песню о тех временах,
Полупризрачных тех, где всегда благодать,
Где пылают лучи, никогда не сгорая...
Да хранит наша память подобие рая,
Из которого нас невозможно изгнать.

1998

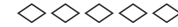
И даже дома захотев остаться,
Продолжу, тем не менее, скитаться.
Спасибо, что не по чужим углам,
А в тех стенах, где мой родимый хлам:
Торшер, трюмо, ребячье одеяльце,
Скрипучий стул. Мы — вечные скитальцы
Из мига в миг, из часа в новый час,
Где не было живой души до нас.

2012

Посвящается фильму «Сказка сказок»

Красное яблоко падает в снег.
Вечного времени медленный бег.
Вечного времени медленный ход.
Красного яблока тихий полёт.
Это из сказки, где нету конца.
Сказка такая одна у Творца.
Красные яблоки с белых ветвей
Падают в снег. И поёт соловей.

2004

Ну кто не забегал на огонёк?
Ну кто не заходил на землю в гости?
Бродяжка Чарли с неременной тростью,
Танцор Астэр. Парить — его конёк.
Луи Армстронг, чьё соло на трубе
Есть ворожба, и Элвис бесподобный.
Ах, жизнь есть случай редкий и удобный
Заняться тем, что нравится тебе.
А если осчастливишь и других,
Ты — из гостей ну самых дорогих.

2012

А музыка нужна, чтоб вынести всё это:
И долготу зимы, и скоротечность лета,
И прочее, чего перечислять нет смысла,
Чтоб не пугали нас немислимые числа.
Страстям благодаря, на страсти невзирая —
Всегда в земном аду живёт кусочек рая.

2010

ЗВЁЗДАМ ПРОШЛОГО

1

Ах, звёзды, красивые, юные, гибкие,
И вы, к сожалению, лодочки зыбкие,
И вас, к сожалению, топит волна,
Которая лишь переменам верна,
Капризному ветру, природным явлениям.
Ужель и для вас всё кончается тлением?
Ужели и вас так легко потопить,
Хоть вы и чечётку умеете бить,
И петь, покоряя толпу миллионную,
В ваш голос и облик безумно влюблённую?
Смотрю сохранённое чудом кино,
Как будто бы пью дорогое вино,
Хмельное, шипучее, в искорках, пенное,
Где сладко топить свои мысли про бренное.

2

Они же ведь ангелы, птицы и дети.
Они же играючи жили на свете.
Они же для нас и плясали, и пели,
Сверкали подобно весенней капели.
Они рвали страсти безумные в клочья,
Страдали жестокой бессонницей ночью.
Когда ж отцвели они, отполыхали,
То крылышком мятым нам долго махали.

2013

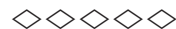

Четверг пока необитаем.
К нему мы только подлетаем,
И гаснет окон череда.
Это кончается среда.
И вот уже мы близко вроде
К чему-то, чего нет в природе.

2011

А вместо благодати — намёк на благодать,
На всё, чем вряд ли смертный способен обладать.
О, скольких за собою увлёл ещё до нас
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас,
Тот тихий, бестелесный мятежных душ ловец.
Куда, незримый пастырь, ведёшь своих овец?
В какие горы, доли, в какую даль и высь?
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.
Но голос твой невнятен. Влеки же нас, влеки.
Хоть знаю — и над бездной ты не подашь руки.
Хоть знаю — только этот почти неслышный глас —
Единственная радость, какая есть у нас.

1976

Сергею Гандлевскому

Боюсь, что я не потяну.
Не потяну ни то, ни это,
Ни музыку, ни тишину,
Ни зиму близкую, ни лето,
Ни триста с гаком дней в году,
Что моего хотят участия,
Ни непостижную беду,
Ни ослепительного счастья.

2012

А мир творится и творится,
И день, готовый испариться,
Добавил ветра и огня.
И вот уж залетела птица
В пределы будущего дня.

И не кончается творенье,
Как не кончается паренье
Полётом одержимых птиц,
И что ни утро — озаренье
Подъятых к небу светлых лиц.

2006

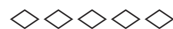

О, этот сладостный язык!
О, эта lingua Italiana!
Я за него взялась бы рьяно,
Когда б не музы грозный рык,
Что означает: «Сядь. Пиши.
Ты ведь не кончила диктанта.
Какое там ещё бельканто?
Ты знай себе: ча-ща, жи-ши».

2012

Муза. Оборотень. Чудо.
Я тебя искала всюду.
Я тебя искать бросалась —
Ты руки моей касалась.
Ты всегда была со мною —
Звуками и тишиною,
Талым снегом, почкой клейкой,
Ручейка лесного змейкой.
Без тебя ломала руки,
Ты ж была — мои разлуки,
Смех и слёзы, звук привета,
Мрак ночной и столбик света,
Что в предутреннюю пору
Проникает в дом сквозь штору.

1972

Посвящается фильму Феллини «Ночи Кабири»

А жизнь — она божественна. Она
Способна, позабыв про все угрозы,
Нам улыбаться солнечно сквозь слёзы
С небес высоких и с земного дна.
И тушь стекает по её щекам,
И дёргаются губы от обиды,
Но счастье вновь на нас имеет виды,
И горю нас слабó прибрать к рукам.

2012

Моя любовь, моё проклятье,
Судьба моя, в твои объятья
Лечу. В неверные твои.
Таи всё тайное, таи,
Ветрами раздувай мне платье,
Июньским ливнем напои.
И на отчаянное «Где ты?»
Не отвечай. Лучом согреты
Дороги, по каким лечу...
Не ты ль склоняешься к плечу
И шепчешь: «Вот промчится лето,
А осенью озолочу».

1982

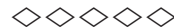
Люблю легенды. Пусть они живут.
Париж. Кафе зовётся «Две сороки».
В нём сочинял чарующие строки
Поэт. Не помню, как его зовут.
А в том бистро художник молодой
За чашкой кофе делал почеркушки,
Рисую профиль ветреной подружки.
Он беден был. Всё кончилось бедой.
А тут, а там, в том доме, в том саду,
В мансарде той, а может, в том подвале —
Там тоже часто гении бывали
В каком-то приснопамятном году.

О, этот след, меня пленивший след
Того, что то ли было, то ли нет.

2012

Если ты музыкант, значит, должен любить тишину
И, её нарушая, испытывать должен вину,
А вернее, стремление быть на такой высоте,
Чтоб Господь подтвердил: это звуки те самые, те,
Что способны соперничать с музыкой той тишины,
Той бесценной, которой по воле твоей лишены.

2010

А дом нам для того, чтоб вынести простор.
А время — для того, чтоб вынести безбрежность.
Я к малому числу испытываю нежность.
Одно окно. Одно меж двух шуршащих штор.
И смотрит то окно на мой микрорайон.
Верней, на пяточок в моём микрорайоне,
Где дерево стоит в сверкающей короне.
А остальной весь мир незрим и потаён.
И пусть. И хорошо. Да разве нам дано
Постичь всего и вся бескрайность и безмерность?
Одно окно. Одно. И дерево одно.
И дом один. И я им сохраняю верность.

2012

Между облаком и ямой,
Меж берёзой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между босховским уродом
И весною Боттичелли.

1980

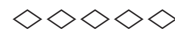

И поцелуй в реке, просвеченной до дна,
До камушка на дне июньскими лучами,
И лёгких два крыла за юными плечами,
И лёгкая душа, а в ней — любовь одна.
Одна, совсем одна — без горечи, без мук,
Без памяти о них, без страха и без боли,
И чтоб на долю мне, поскольку ангел в доле,
Лишь выпало тепло меня обнявших рук.

2012

Этих дней белоснежная кипа.
В перспективе — цветущая липа,
Свет и ливень. Не диво ль, не диво,
Что жива на земле перспектива?
С каждым шагом становятся гуще
Чудо-заросли вишни цветущей,
Птичьи трели слышнее, слышнее,
А идти всё страшнее, страшнее.
Ведь осталась любовь неземная
За пределами этого рая.

1977

А любовь до того молода, до того молода,
У неё всегда счёт на мгновения, не на года.
А любовь до того молода и легка на подъём,
Что шутя покидает того, с кем ей было вдвоём
Хорошо и тепло. А любовь так легка и юна,
Что, убив, не способна понять, что убила она.

2012

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах —
Вот ещё один взмах и ещё один взмах —
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность —
Всё неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом — небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятней
В этой снежной ночи на земле необъятной.

1971

Всё очень просто объясняется:
Жасминный куст цвести стесняется.
Он знает — стоит расцвести,
Как тут же я начну нести
Свой вздор восторженный, рифмованный,
Начну в тетрадке разлинованной
Ему сравнения искать,
Словами нежными ласкать,
Переменяя вздохи стонами.
Вот я стою перед бутонами,
А он перед моим крыльцом
Стоит с потерянным лицом.

2011

Иди сюда. Иди сюда.
Иди. До Страшного суда
Мы будем вместе. И в аду,
В чаду, в дыму тебя найду.
Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим.
Глотаем воздух жарким ртом.
На этом свете и на том
Есть только ты. Есть только ты.
Схожу с ума от пустоты
Тех дней, когда ты далеко.
О, как идти к тебе легко.
Всё нипочём — огонь, вода.
Я в двух шагах. Иди сюда.

1977

Из пышного куста акации, сирени,
Где круто сплетены и ветви, и листва,
Из пышного куста, его глубокой тени
Возникли мы с тобой, не ведая родства.
Дышало всё вокруг акацией, сиренью,
Акацией, грозой, акацией, дождём...
Ступив на первый круг, поддавшись нетерпению,
Пустились в дальний путь. Скорей. Чего мы ждём?
И каждый божий день — посул и обещанье.
И каждый божий день, и каждый новый шаг.
Откуда же теперь тоска и обнищанье,
Усталость и тоска, отчаянье и мрак?
А начиналось так: ветвей переплетенье,
И дышит всё вокруг сиренью и грозой,
И, видя наш восторг, шумит листва в смятенье,
И плачет старый ствол смолистою слезой.
Неужто лишь затем порыв и ожиданье,
Чтоб душу извели потери без конца?
О, ливень проливной и под дождём свиданье,
О, счастье воду пить с любимого лица.

1989

К юной деве Пан влеком
Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.
Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.
Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул — она запела.
Это ли не благодать?
Ты вздохнул — она поёт,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролёт.

1977

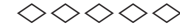

Я говорю с пространством, с небом, с Богом,
А отвечают мне последним слогом.
Я вопрошаю: «Ждёт меня беда?»,
А мне в ответ — раскатистое «Да».
«Какие годы лучшие на свете?» —
Я спрашиваю. Отвечают: «Эти».

2012

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?..
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою.

1983

А был ли мальчик? Девочка была ли?
Их небеса целинные пылали?
Им под ноги ложился ли ковыль?
И что же это было — небыль? быть?
И, если быть, то что же с нею стало
Потом, когда грядущее настало?

2012

На деревья дробится лес.
Небесный свод — на семь небес.
Жизнь распадается на годы
Трудов, неволи и свободы.
Дробится смерть на черепа.
И лишь любовь, что так слепа,
Способна зреть миры и блики
В Одном Лице, в Едином Лике.

1981

Нас Бог послал сюда любить,
Дыханье близкое ловить.
Нас Бог послал сюда влюбляться
В леса, что скоро оголятся,
В недостигаемость небес,
В летящий мне наперерез
Пожухлый лист на пёстром фоне,
В твои глаза, в твои ладони.

2005

Телячьи нежности. Позор
Все эти нежности телячьи,
Все эти выходки ребячьи,
От умиления влажный взор.

Спешу на звук твоих шагов,
Лечу к тебе и поневоле
Смеюсь от счастья. Не смешно ли
Так выходить из берегов?

Неужто столь необорим
Порыв в разумном человеке?
...Но не стыдились чувства греки,
Стыдился чувств брутальный Рим,

Который так и не дорос
До той возвышенной морали,
Когда от счастья умирали,
Топили горе в море слёз.

1985

И вроде творит Он спустя рукава,
Но как у Него зеленеет трава!
И вроде творит Он, что прежде творил,
Но как вешним солнцем Он всё озарил
И как убедил, очарованных, нас,
Что, мол, осенило Его лишь сейчас.

2011

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает — грудь, рука.
Ещё последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она ещё нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь её наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай её на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

1978

КАРТИНА ПИРОСМАНИ

Тихо заняли места,
К долгой трапезе готовы:
Позы чинны и суровы,
Скатерть белая чиста.

Медлит с чашею рука.
Всё возвышенно и строго.
Потечёт вино из рога.
Потечёт из бурдюка.

Славьте, добрые мужи,
Живописца из Кахети.
Без него ушли бы в нети
Эти ваши кутежи.

Лишь по милости его
Вы, подняв большие роги,
Ясноликие, как боги,
Живы все до одного.
1985

Так и маемся на воле,
Как бездомные,
То простые мучат боли,
То фантомные.

Ломит голову к ненастью,
В сердце колики...
Сядем, братья по несчастью,
Сдвинув столики.

Сдвинем столики и будем
Петь застольную,
Подарив себе и людям
Песню вольную,
Всё болезненное, злое
И дремучее,
Переплавив в неземное
И певучее.
1994

СУТИН

Да что ж тебя всё так пугает:
Тропа, что в горы убегает,
И куст, который в землю врос?
Твои полотна — это SOS.
Твои портреты, натюрморты,
Пейзажи — на разрыв аорты —
Безумствуют, кровоточат.
Да и цветы твои кричат.
У них срывающийся голос.
Твой воспалённый гладиолус
Кричит, что он — не сон, не бред —
Земной реальности портрет.

2011

Цветы на окнах и в руках,
В садах. Цветы в огромных дозах...
Да он зациклился на розах,
На лютиках и васильках.

Сирень, акация, сирень...
И как ему не надоело?
Мешает краски то и дело
И пишет каждый Божий день

То золотистый лепесток,
То одуванчик, ставший пухом,
Художник знает не по слухам,
Что мир безумен и жесток.

Но краска чистая густа...
И снова, точно заклинанье,
Цветы, цветы, окно с геранью
И свод небесный в полхолста.

1984

Чтоб здесь подольше задержаться,
Нужны какие-то зацепки.
Как солнышко начнёт снижаться,
Шалашиком поставим щепки,
И, коль погода не сырая,
Соорудим костёр вечерний —
Предполагаемого рая
Небесного Эдем дочерний.
Пусть между нами целый вечер
Танцует искорка живая,
С теплом и светом наши встречи
Хоть ненадолго продлевая.

2012

Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной трудно.
Всё же есть здесь и радости. И у меня их немало.
Например, здесь рябина пылала по осени чудно.
Например, я тебя, мой родной, поутру обнимала.
Сыновей напоила я чаем со сдобным печеньем.
А когда уходили, махала им вслед из окошка.
Нынче день отличался каким-то особым свеченьем.
Разве есть на земле неприметная мелкая сошка?
Что ни особь, то чудо, и дар, и судьба, и явление.
Разве может такое простой домовиной кончатся?
После жизни земной обязательно ждёт нас продление,
Да и здесь на земле неземное способно случаться.

2006

Откуда всхлип и слабый вздох?
Из жизни, пойманной врасплох,
И смех оттуда,
И вешних птиц переполох,
И звон посуды,
И чей-то окрик: «Эй, Колян!»,
И сам Колян, который пьян
Зимой и летом,
И море тьмы, и океан
Дневного света.

2000

Когда звучала сонатина,
Казалось, в мире всё едино
И нет начала и конца —
Лишь золотая середина.
Слетали звуки, как пыльца
Летит весной с ветвей ольховых.
И таял звук, рождая новый,
Неповторимый. И финал
Казался не прощальным зовом,
А провозвестником начал.
Так, силой звуков, тоник, пауз
Был побеждён вселенский хаос,
Всё, что веками намело,
Всё, от чего душа спасалась,
Стремясь укрыться под крыло.
Так победил однажды гений.
И всё же плод его борений,
Его прозренья сладкий плод
Нас не избавит от мучений,
От тяжких бдений не спасёт.
Прозренья Моцарта и Грига
Нам не поможет сбросить ига.
И чтобы озарился путь,
Должны мы собственную лигу
От мига к мигу протянуть.

1975

Посвящается фильму Олега Дормана «Нота»

*...да ми-бемоль минор ещё такая унылая тональность,
что деваться некуда, жизнь не мила, а этого нельзя...*

Рудольф Баршай, фильм «Нота»

Но жизнь нам будет точно не мила,
Коль всё оставить в ми-бемоль миноре,
И будет нам и будет с нами горе,
И не пойдут у нас на лад дела,
Пока не подберём волшебный ключ,
Чтобы в тональность ту переключиться,
В которой жизнь земная не влачится,
А светится, скользя, как горный луч.

2012

А где же мелос? Мелос где?
Где Шуберт — тот, что на воде?
Где Моцарт — тот, что в птичьей гамме?
Какая приключилась с нами,
Вернее, с мелосом, беда?
Быть может, утекла вода,
Та, что пригодна для форели?
Стал суше лес и глуше трели?
Или в созвучии «земля»
Совсем запала нота ля,
Запала и звучит так глухо,
Что не улавливает ухо?
А может, больше нет небес
Божественных, поскольку бес
Попутал всю планету нашу
И заварил такую кашу,
Что тошно нам и небесам,
И верхним нотам и басам.

1998

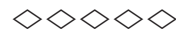

А Шуберт — музыка и есть.
Он сам и есть экспромт природы,
Те бьющие из почвы воды,
Те родники, каких не счесть,
Среди которых тот родник,
К которому сам Бог приник.

2012

Не под музыку, нет, а под звон тишины
И при свете колеблемой снежной стены
Жизнь идёт и идёт, на ходу истончаясь.
День текущий, от прежнего не отличаясь,
Заманил, закружил меня, посеребрил.
Ты когда-то о времени мне говорил.
Говорил мне когда-то, что времени нету,
И, о сроках забыв, я блуждаю по свету,
За кружащимся ангелом белым слежу
И сквозь снежную стену легко прохожу.

2008

Не надо капать на мозги,
Дудеть в дуду. Я не тупица.
Я поняла: здесь не теплица
И не видать порой ни зги.

Не надо вдалбливать, внушать,
Втолковывать. Хватаю с лёту
Слова про то, что ни на йоту
Не станет здесь вольней дышать.

Я всё прекрасно поняла
И курсы краткие открыла.
Про то, как не утратить пыла,
Урок открытый провела.

2012

Ритенуто, ритенуто,
Дли блаженные минуты,
Не сбивайся, не спеши,
Слушай шорохи в тиши.
Дольче, дольче, нежно, нежно...
Ты увидишь: жизнь безбрежна
И такая сладость в ней...
Но плавней, плавней, плавней.

1980

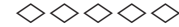

Нет, мы не плачем, мы не плачем.
И, будь мы хвостиком собачьим
Любой длины и толщины
С рождения оснащены,
Мы им бы весело виляли,
Безумно радуясь, что взяли
Нас погулять на белый свет,
Где можно взять волшебный след.

2012

Землю снова осветили
И слегка позолотили.
Осветив земное дно,
Осветили заодно
И меня. А я и рада.
Только это мне и надо,
Чтобы много дней и лет
Появлялась я на свет.

2007

Ну а если я что и открыла, то настезь окно.
Ни страны, ни вакцины, ни формулы не открывала.
Но зато как приветливо ветка в окно мне кивала,
Будто очень хотела со мной быть во всём заодно.
Всё же чем не открытие в царстве сует и тревог
В летних окнах распахнутых ласковый этот кивок.

2010

А у меня всего одна
Картина в рамке побелённой:
Июньский день и сад зелёный
В квадрате моего окна...
И дуба тень. И дома тыл.
Забор. А ниже, где художник
Поставить подпись позабыл, —
Омытый ливнем подорожник.

1967

Тончайшим сделаны пером
Судьбы картинки
И виснут в воздухе сыром
На паутинке.
Летающим почерком своим
Дожди рисуют,
И ветер лёгкие, как дым,
Штрихи тасует.
...Рисуют, будто на бегу,
Почти небрежно.
Я тот рисунок сберегу,
Где смотришь нежно.
Живу, покорна и тиха.
И под сурдинку
Колеблет ветер два штриха
И паутинку.

1980

Так хрупок день — сосуд скудельный.
И, бредя далью запредельной,
Летят по небу облака.
Хоть ощутима твердь пока,
Но ей отпущен срок недельный.
И с талым льдом сойдёт на нет
Всё то, под чем таятся хляби,
И будет вешней водной ряби
Неуловим и зыбок цвет.
По шалым водам поплывут
Жилища, изгороди, щепки
И облака невнятной лепки.
И распадётся наш уют.
И сгинут кровля и порог.
Взамен устойчивой опоры
Придут текучие просторы
Без верной меты, без дорог.

1974

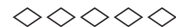
Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю,
Но больше всё-таки летаю.
Летаю я, куда хочу:
То в день грядущий залечу,
То залечу я в день давнишний,
Где сад был с яблоней и вишней,
Где детям было мало лет.
Ей-богу, мне прощенья нет —
Ведь небо нынче так лучилось,
А я вот снова отлучилась.

2009

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.

Хоть бы дали инструкцию, как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней —
Беспощадной и нежной, и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

1999

А если бы Господь наш был философ,
Я б задала ему мильон вопросов.
Но он ведь не философ. Он — поэт,
Когда-то срифмовавший тьму и свет.
И, как нас эта рифма не тревожит,
Он объяснить стихов своих не может.

2010

Идут по свету дяди, тёти,
И все они, в конечном счёте,
Куда-нибудь придут.
Ну а душа — она в полёте,
Она ни там, ни тут,
Коль есть она. А если нету,
Придётся бедному поэту
Вот так писать в тиши:
«Людской поток течёт по свету,
Течёт — и ни души».

1997

Вроде просто — дважды два,
Щи да каша, баба с дедом.
А выходит, что едва
Мир не рухнул за обедом.

Вроде море, ветерок,
Сок в бокале с горстью льдинок.
А выходит — морок, рок
И кровавый поединок.

Вроде руку протяни —
Белый, белый куст жасмина.
Но прозрачнейшие дни
Вдруг взрываются, как мина.

Что на сердце, на уме?
Что пульсирует под кожей?
Что там вызрело во тьме?
Пощади нас, Святой Боже.
2001

А я пришла сюда за светом,
За вразумительным ответом,
За добрым словом, за участием,
Короче, я пришла за счастьем.

И все сюда пришли за этим.
Что в результате мы ответим,
Когда нас спросят: «Сердце радо?»
Не надо спрашивать, не надо.

2009

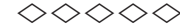

Неуютное местечко.
Здесь почти не греет печка,
Вымирают печники.
Ветер с поля и с реки
Студит нам жильё земное,
А тепло здесь наживное:
Вот проснулись стылým днём,
Надышали и живём.

2001

А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух
И за ночное небо в звёздах?
Всё даром, говорят в ответ,
Здесь даром всё: и тьма, и свет.
А впрочем, говорят устало,
Что ни отдай, всё будет мало.

1983

Боже, как хорошо улыбаться во сне
И, проснувшись под утро, опять улыбаться,
Так, как будто бы всё начинает сбываться,
И зима на излёте, и дело к весне.
На излёте зима, но не ты и не я.
Вот проснёшься, шепну тебе: «Радость моя».

2011

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса...

А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

1995

А круг, на котором я плавала, быстро спустил.
Мне лет было мало. Я плавать совсем не умела,
А мама не видела, мама на солнышке млела,
А я всё барахталась и выбивалась из сил,
Пока не нащупала пальчиком правой ноги
Спасительный камень в одежке из скользкого ила.
...Никак не пойму я, что в жизни случайностью было,
Что Божьим ответом на сдавленный крик: «Помоги!».

2011

На смерть Яши К.

Встань, Яшка, встань. Не умирай. Как можно!
Бесчеловечно это и безбожно,
Безжалостно ребёнком умирать.
Открой глаза и погляди на мать.
Ты погляди, что с матерью наделал.
Она твоё бесчувственное тело
Всё гладит и не сводит глаз с лица.
И волосы седые у отца.
Он поправляет на тебе рубашку
И повторяет: «Яшка, сын мой Яшка».
И повторяет: «Яшка, мой сынок».
Гора цветов. Венок. Ещё венок.
...Пришёл ко мне смешливым второклашкой.
Нос вытирал дырявой промокашкой.
И мы с тобой учили «I and You»,
«I cry, I sing» — я плачу, я пою.
Как жить теперь на свете. Жить попробуй,
Когда вот-вот опустят крышку гроба,
В котором мальчик, давний ученик.
Его лицо исчезнет через миг.
И нет чудес. Но, Господи, покуда
Ещё не выросла сырая грудка
Земли, не придавили снег и лёд,
Приди, вели: «Пусть встанет. Пусть идёт».

1979

Всё ищешь опору? Боишься пропасть?
Всё ищешь к чему притулиться? Припасть?
Напрасно. Напрасно. Незыблемых нет.
Всё зыблемо: почва, и кровля, и свет.

Но знаешь, в чём всё-таки здесь благодать?
Что хрупким друг к другу дано припадать.
И знаешь, что надо, чтоб мир этот жил?
Чтоб хрупкому хрупкий опорой служил.

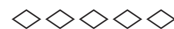
2011

Только будьте со мною, родные мои.
Только будьте со мною.
Пусть стоят эти зимние, зимние дни
Белоснежной стеною.

Приходите домой и гремите ключом
Или в дверь позвоните
И со мной говорите не знаю о чём,
Обо всём говорите.

Ну хотя бы о том, что сегодня метёт
Да и солнце не греет
И о том, что зимой время быстро идёт
И уже вечереет.

2005

А главное, чтоб мы любили
Родных и близких, чтоб ловили
Их каждый взгляд и каждый вздох.
Не смена всяческих эпох
Важна, а то, как руку гладим
Родную, как с родными ладим.

2009

Я вхожу в это озеро, воды колыша,
И колышется в озере старая крыша,
И колышется дым, что над крышей струится,
И колышутся в памяти взоры и лица.
И плывут в моей памяти взоры и лики,
Как плывут в этом озере светлые блики.
Всё покойно и мирно. И — вольному воля —
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.
Не нужны никакие обеты и нити.
Пусть уйдёте, что канете. Глухо, без срока.
Всё, что дорого, — в памяти. Прочно. Глубоко.

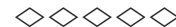
1971

А мама собирается на бал.
И жемчуг бел, и цвет помады ал,
На стуле серебрится чернобурка —
Её не любит мамина дочурка.
Берет не любит, что с распялки снят,
И платье из панбархата до пят.
Ведь, значит, мама из дому уходит
И дочкин праздник из дому уводит.
Не надо было маму отпускать.
Ведь где, скажи, теперь её искать?
2011

Маме

Прости меня, что тает лёд.
Прости меня, что солнце льёт
На землю вешний свет, что птица
Поёт. Прости, что время длится,
Что смех звучит, что вьётся след
На той земле, где больше нет
Тебя. Что в середине мая
Всё зацветёт. Прости, родная.
1984

Вот пепел с сигареты упадёт,
Вот мама допечатает страницу —
И перейдёт незримую границу
И от меня невесть куда уйдёт.

Но и сегодня пепел невесом
И кофе чёрен, и стучит машинка,
И сон мой детский лёгок, как пушинка,
И стук машинки слышу я сквозь сон.
2012

Если память жива, если память жива,
То на мамином платье светлы кружева,
И магнолия в рыжих её волосах,
И минувшее время на хрупких часах.
Меж холмами и морем летят поезда,
В южном небе вечернем пылает звезда,
Возле пенистой кромки, под самой звездой
Я стою рядом с мамой моей молодой.
1994

Я от нежности таю, как тает на солнце Снегурка.
Я от нежности таю к любому мгновению дня.
Мама, видишь оттуда, во что превратилась дочурка?
Я от нежности таю. Почти не осталось меня.

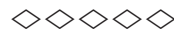
Да и день со мной нежен. К губам прикоснулся снежинкой,
Лёгким тельцем небесным, весёлым своим светлячком.
Мама, видишь оттуда, как таю над дивной картинкой,
Той, что сотворена на едином дыханье, молчком?

2010

Нельзя так серьёзно к себе относиться,
Себя изводить и с собою носиться,
С собою вести нескончаемый бой
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.

Забуть бы себя, как багаж на перроне.
Забуть, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдье, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай обронить, как монету:
Вот был, и не стало. Маячил, и нету.

1990

Бессмертной я уже была.
И не одна, а вместе с мамой
И вместе с той оконной рамой,
Что мама мыла добела.

А смерть — она случалась с тем,
Кто из парадного другого,
И отношения никакого
К нам не имела, ну совсем.

Ну разве что, прервав игру,
Глядели мы замороженно,
Когда автобус похоронный
Неспешно ехал по двору.

2011

Хоть верится слабо в счастливый конец,
Но каждый в душе — желторотый птенец
И ждёт не войны, не болезни, не шторма,
А чьей-то опеки и сладкого корма.

И даже поживший, усталый, седой
Он верит, что он под счастливой звездой
Родился и дальше не смертные муки,
А чьи-то большие и тёплые руки.

2007

А живём мы всегда накануне.
Накануне каникул в июне,
Часа звёздного, чёрного дня,
Золотого сухого огня.
Накануне разлуки и встречи.
Обними меня крепче за плечи.
Мне не жить без тепла твоего
Накануне не знаю чего.

2007

Сил осталось — ноль,
всё ушло в песок,
И кочует боль
из виска в висок...
Всё ушло в песок,
золотой речной,
Или стало в срок
лишь золой печной.
Но не всё ль равно,
что куда ушло,
Коль не жжёт давно
то, что прежде жгло.
Путь закрыт назад,
и потерял ключ,
И горит закат,
я иду на луч,
И другого нет
у меня пути,
кроме как на свет
до конца идти.

2001

Мне время внушает: «Учись у меня.
С задачей своей я прекрасно справляюсь,
Я с кем захочу без труда расправляюсь,
Одной лишь неверности верность храня».

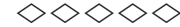
Мне время внушает: «Забудь о корнях,
И связях, и узах: взглянула — и мимо.
Что-что, ты сказала, тобою любимо?
Отлично, я с этим покончу на днях».

2011

Как под яблоней неспелый,
Несъедобный плод лежит...
Видит Бог, хочу быть смелой,
А душа моя дрожит.

И чего она боится
Под неспелых яблок стук?
Страшно ей, что жизнь продлится,
Страшно, что прервётся вдруг.

2002

Толе Розенцвейгу

Памяти Люси

Разве трудно позволить нам быть?
Почему непременно так надо
Нас куда-то задёшево сбить?
Ведь любой из нас — чья-то отрада.
Значит, нужен вот так, позарез
Он кому-то. Не после, не где-то —
Прямо здесь и сейчас. Ни небес
Без него. Ни тепла и ни света.

3 июня 2012

Любовь до гроба. Жизнь до гроба.
Что дальше — сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока — забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь — небеса,
Опустишь — травы и роса.

1980

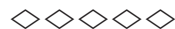

А кто там притаился между строк?
А кто там меж словами притаился?
А кто там невидимкой притворился,
Сидит и дышит тихо, как сурок?
И пусть сидит. Нельзя его теснить,
Пугать его, хватать его руками.
Он — то, что строки делает стихами.
Он — то, что ни назвать, ни объяснить.

2012

Всё только сны и миражи.
Кружи, мой маленький, кружи
По белу свету
И этим светом дорожи.
Другого нету.
А если есть, то что с того
И что мы знаем про него?
Нам этот снится.
То в поле лютики его,
То в небе птица.

2005

И с солнышком ложиться, и с птичками вставать.
И ни к кому с вопросом «Зачем?» не приставать,
Не упустить минуту летучую сию.
Ты ей отдашь всю душу — она отдаст свою.

2011

Завершается всё полосой закатной:
И уклад многолетний, и риск многократный,
И любовь, и раздолье, и праздник, и встреча...
Свод небесный багряною краской расцвечен.
И чем ближе к закату, чем ближе к развязке,
Тем тревожней тона, тем багровее краски.

1970

Ну что, мой милый, надышался?
Со светом белым наякшался?
Готов отчалить насовсем?
Что-что? Не всех коснулся тем?
Не всё успел, что было в списке?
Что-что? Не выучил английский?

2012

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни — гаранты
Того, что варианты есть,
Снежинки — крылышки, пуанты —
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летящих, заживо горящих
В небесном и земном огне —
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой и летом
Менять событий быстрый ход
И что-то добавлять при этом
И делать всё наоборот,
Менять ремарку «обречённо»
На «весело» и, облегчённо
Вздыхнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: «Какой талант!»

2000

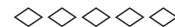

Не объявить ли забастовку?
Не сочинить ли нам листовку?
Мол, всё. Перестаём стареть.
И умирать не станем впредь.
Не будь мы вялы и инертны,
Мы были бы давно бессмертны.

2012

Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд
И проливных дождей, и льдом покрытых вод.
Ещё шуршать травой и увязать в снегах.
И безмятежно жить. И жить в бегах, в бегах.
Дремать под стук колёс. Шагать под песнь скворца.
И в общем хоре петь о том, что нет конца
Ни жизни, ни любви. И будет песнь звенеть,
Когда уж мы с тобой её не будем петь.

1974

Уходить нельзя отсюда,
Здесь не вымыта посуда,
Не застелена постель,
Не вполне понятна цель
Пребывания земного,
Завтра буду думать снова
И, наверное, опять
Мало что смогу понять.

2008

Жизнь — исчезновение
Каждого мгновения,
Всех до одного...
Ты другого мнения?
Выскажи его.
Говоришь — тягучая,
Долго длится, мучая
Особь ту и ту...
Вздор, — она летучая,
Жизнь, — она лету...

1999

Вот какая здесь кормёжка:
Мёда — бочка, дёгтя — ложка.
Вот какая здесь кровать:
Мягко стелют, жёстко спать.
Вот какая здесь опека:
Тот сгорел, а та калека.
Вот какая здесь любовь:
Любят так, что горлом кровь...
А в начале, для затравки,
Хоровод на мягкой травке,
Гули-гули, баю-бай,
Сущий праздник, Божий рай.
Или, может, и в начале
Злые знаки день венчали,
Может, череп на колу
Не заметила в пыли.

1979

Плывут неведомо куда по небу облака.
Какое благо иногда начать издалека,
И знать, что времени у нас избыток, как небес,
Бездонен светлого запас, а чёрного в обрез.
Плывут по небу облака, по небу облака...
Об этом первая строка и пятая строка,
И надо медленно читать и утопать в строках,
И между строчками витать в тех самых облаках,
И жизнь не хочет вразумлять и звать на смертный бой,
А только тихо изумлять подробностью любой.

1990

Ах, как жалко мне тех, кого нет,
Кто ушёл иль ещё не родился,
Для кого клином свет не сходился —
Этой осени сладостный свет.
Не сходился на этом, на том —
Хоть на тополе том золотом.

2011

Прозрачных множество полос.
С берёз, летящих под откос, —
Листва потоком.
Стекают листья градом слёз
С летящих под гору берёз,
И ненароком
Я оказалась вся в слезах,
Хоть ни слезинки на глазах.
Безмолвной тенью
Брожу в мятущихся лесах.
И облака на небесах —
И те в смятенье.
И этот ветер поутру,
И это буйство на ветру —
Почти веселье
И пир почти. Не уберу
Листвы с волос. В чужом пиру
Моё похмелье.
Я ни при чём. Я ни при чём,
Я лишь задела ствол плечом
В лесу высоком.
И листья хлынули ручьём,
Сквозным просвечены лучом,
Как горним оком.

1980

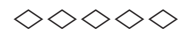
Нет, нас не надо добывать,
Ведь мы умеем добывать
Молитвенное из мирского,
Как перламутр со дна морского.

Нет, нас не надо изводить,
За ручку надо нас водить,
Предупреждать, где кочка, яма,
Как делала когда-то мама.

2010

Слово — слеза, но без соли и влаги.
Слово — огонь, не спаливший бумаги.
Слово условно, как поза и жест:
Любят и гибнут, не сдвинувшись с мест.
Слово надежды и слово угрозы
Точно скупые античные позы...
Дело зашло за порог болевой.
Вот и свидетельство боли живой:
Десять попарно рифмованных строчек
С нужным количеством пауз и точек.

1985

Послушай, комарик, мы крови одной!
Пока я спала, своего ты добился!
Ты крови моей до отвала напился,
И ты мне теперь ну совсем как родной,
А значит, как я, на лету, в кураже
Ты кровью, насыщенной адреналином,
Напишешь стихи о житье комарином.
Летаешь? Зудишь? Может, начал уже?

2011

У музыки моей на лице конопушки.
То в чаше живёт она, то на опушке,
То возле кормушки, то возле пруда.
И что ни диктует мне — всё ерунда:
Ни сложных метафор, ни умных наречий,
А просто обычный язык человеческий.

2009

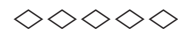

Боле́ла моя детская душа:
Я утопила в море гольша,
Случайно утопила в бурном море.
Насмарку лето. Ведь такое горе.
Купили паровозик заводной,
Но нужен был единственный, родной
Гольш — нелепый бантик на макушке.
А жизнь, как оказалось, не игрушки.

2010

Первее первого, первее
Адама, первенец, птенец,
Прими, не мучась, не робея
Небесной радуги венец.
Живи, дыши. Твоё рожденье
Как наважденье, как обвал.
Тебе — снегов нагроможденье,
Тебе — листвы осенней бал,
И птичьи песни заревые,
И соло ливня на трубе,
И все приёмы болевые,
Что испытают на тебе.

1987

Ну что не видала я тут, в самом деле?
Ну пруд, ну тропинка, ну сосны, ну ели.
Ну что я, ей-богу, не видала тут?
Ну сосны, ну ели, тропинка и пруд,
Беседка, где прячутся люди в ненастье.
Так что ж это я обмираю от счастья?

2010

Жизнь побáлуе́т немного —
Я хочу и дальше так:
Чтоб светла была дорога,
Чтоб незыблем был очаг,
Где желанна и любима,
Где душа легко парит,
Где под окнами рябина
Чудным пламенем горит.

1972

Со слова бы надо пылинки сдувать,
Ему бы, родному, скучать не давать,
К хорошим соседям его подселить
И долгое эхо ему посулить
В стране моей бедной, чьи тяжки грехи,
Но где почему-то ютятся стихи.

2011

Лёгкий крест одиноких прогулок...
О. Мандельштам

Пишу стихи, причём по-русски,
И не хочу другой нагрузки,
Другого дела не хочу.
Вернее, мне не по плечу
Занятие иного рода.
Меня волнует время года,
Мгновенье риска, час души...
На них точу карандаши.
Карандаши. Не нож, не зубы.
Поют серебряные трубы
В соседнем жиденьком лесу,
Где я привычный крест несу
Своих лирических прогулок.
И полон каждый закоулок
Души томлением, тоской
По женской рифме и мужской.

1993

А Россия уроков своих никогда не учила,
Да и ран своих толком она никогда не лечила,
И любая из них воспаляется, кровоточит,
И обида грызёт, и вина костью в горле торчит.
Новый век для России не стал ни эпохой, ни новью.
Матерится она, и ярится, и кашляет кровью.

2011

*Bring out your dead!**

Предъявите своих мертвецов:
Убиенных мужей и отцов.
Их сегодня хоронят прилюдно.
Бестелесных доставить нетрудно.
Тени движутся с разных концов.
Их убийца — не смерч, не чума, —
Диктатура сошедших с ума.
Их палач — не чума, не холера,
А неслыханно новая эра,
О которой писали тома.
Не бывает ненужных времён.
Но поведай мне, коли умён,
В чём достоинство, слава и сила
Той эпохи, что жгла и косила
Миллионы под шелест знамён.

1988

* «Выносите своих мертвецов!» (англ.) — клич могильщика во время эпидемии чумы. Англия, XIV век.

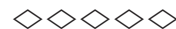

Россия, ты же не даёшь себя любить.
Ты так стараешься домучить нас, добить
И доказать нам, что тебе мы не нужны.
Но, Боже, как же небеса твои нежны!
Но как к нам ластится и льнёт твоя трава!
Но как звучат твои волшебные слова!

2011

И в чёрные годы блестели снега,
И в чёрные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных вели,
Деревья вишнёвые нежно цвели,
Качались озёрные воды
В те чёрные, чёрные годы.

1989

Я тоже уроженка здешних мест,
В которых нынче холод — минус десять,
В которых, если сядешь на насест,
Рискуешь ножки прямо в бездну свесить,
Поскольку мы здесь вечно на краю,
На грани бойни, хаоса, разрухи
И, как ребёнка, любим боль свою,
И, как всегда, не в форме и не в духе.

2012

А я мечтаю только об одном,
Чтоб больше не ходила ходуном
Земля, вернее, почва под ногами,
Чтоб не пришлось «другими берегами»
Назвать края, где жизнь моя и дом.

1994

Здесь мостик над речкой, дощатый и узкий,
Здесь даже трава понимает по-русски.
Здесь так хорошо обо всём говорить
И в поле заросшем тропинку торить,
И, кажется, могут и травы, и речка,
Едва я запнусь, подсказать мне словечко.

2008

Всё способно умереть,
Потому что живо, живо,
В час весеннего разлива
Силам — таять, птицам — петь.

Тают в небе облака,
Таёт снежная одежда,
Лишь последняя надежда
Не растаяла пока.

2001

А где же конверт — чтобы с адресом, с маркой?
Где лист шелестящий с чернильной помаркой?...
Курсор подведи, затемни, сделай клик...
О мир, до чего изменился твой лик!
Где почерк корявый? Где буквы с наклоном?
Да всё там, где надо, — во времени оном...
Запомнил и кликнул — и в буфер занёс...
Но где же письмо, что промокло от слёз?

2011

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.
Люби без памяти о том,
Что всё рассеется потом,
Уйдёт, разрушится и канет
И отомрёт, и сил не станет
Подумать о пережитом.

1984

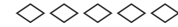

Не пойму, где кончаешься ты
И где я начинаюсь.
Если жить не отчаешься ты,
То и я не отчаюсь.
Коль поднимешься завтра чуть свет,
То и я встану тоже.
Без тебя меня попросту нет
И не будет, похоже.

2012

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: ещё секунда —
И твой отходит эшелон!
И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.

1965

А тогда, на начальном этапе,
Рисовала я солнце на папе,
А вернее, на снимке его.
Я не знала о нём ничего.
Лишь одно: его мина убила.
И так сильно я папу любила,
Рисовала на нём без конца.
Вышло солнышко вместо лица.

2010

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара.
А на ней юнцов орава.
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата —
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжко виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

1983

Я малолетка. Я в Клину.
Я у Чайковского в плену.
Я тереблю промокший, мятый
Платочек. Плачу я над Пятой
Симфонией. Пластинку нам
Поставили. За дверью гам.
В музее людно. День воскресный.
А музыка с горы отвесной
Столкнула, снова вознесла.
Я плакала. Душа росла.

2011

Московское детство: Полянка, Ордынка,
Стакан варенца с Павелецкого рынка —
Стакан варенца с незабвенною пенкой,
Хронический кашель соседа за стенкой,
Подружка моя — белобрысая Галка.
Мне жалко тех улиц и города жалко,
Той полудеревни домашней, давнишней:
Котельных её, палисадников с вишней,
Сирени в саду, и трамвая «Букашки»,
И синих чернил, и простой промокашки,
И вздохов своих по соседскому Юрке,
И маминых бот, и её чернобурки,
И муфты, и шляпы из тонкого фетра,
Что вечно слетала от сильного ветра.

1991

И висело бельё, полощась на ветру.
И висело бельё, колыхаясь от ветра.
О какое печальное сладкое ретро!
Как из памяти эту картинку сотру?
Синька, бак для белья, и доска, и крахмал,
У бабули в руках бельевые прищепки,
И белы облака удивительной лепки,
И ребёнок, стоящий поблизости, мал.
И ребёнок тот — я. И белей облаков
Простыня, и рубашка — небесного цвета.
И всему, что полощется, — многие лета,
Цепкой памяти детской, щадящих веков.

2012

Кривоколенный, ты нетленный.
Кривоколенный, ты — душа
Моей истерзанной вселенной,
Где всем надеждам — два гроша.
Кривоколенный, что за имя,
Какой московский говорок,
Вот дом и дворик, а меж ними
Сиротской бедности порог.
Кривоколенный — все излучки
Судьбы в названии твоём,
Которое — какие звуки! —
Не произносим, а поём.

1993

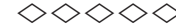

Нет, послушай, когда я работала в школе,
Я стишок задала второкласснику Коле
И забыла спросить. Ну а он весь урок
Повторял про себя эти несколько строк.
Повторял про себя и шептал их соседу.
Но не вспомнила я ни во вторник, ни в среду.
А однажды пришла ко мне Колина мать
И, смущаясь, сказала: «Не может он спать.
То ночами зубрит, то проснётся с рассветом».
Не приди она, я б не узнала об этом.
Боже, сколько же их — тех неведомых Коль,
Кому я причинила нечаянно боль.

2011

Церемония ранних часов,
Звон посуды и шум голосов,
Умывание сонного чада.
Неизменность простого обряда,
Повторение жизни с азов,
С ранних проблесков, с первых минут,
С тех, к которым доверчиво льнут...
И заклиьем от гибельных сроков —
На стене расписание уроков:
География, чтение, труд...

1985

Ах, как ребёнку взрослые мешают:
То спать велят, то сладкого лишают:
Мол, брось жевать — испортишь аппетит
И зубкам вред. А время-то летит.

Ах, бывшее дитя, кому есть дело
Сегодня до того, что ты надело,
Как выспалось, что ело на обед?
Ты счастливо, что взрослых больше нет?

2011

Неужто этим дням, широким и высоким,
Нужны моих стихов беспомощные строки —
Миражные труды невидимых подёнок?
Спасение моё — живая плоть, ребёнок.
Дитя моё — моих сумятиц оправданье.
Осмысленно ночей и дней чередованье;
Прозрачны суть и цель деяния и шага
С тех пор, как жизнь моя — труды тебе на благо.
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной,
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.

1975

Да-да, конечно: время мчится шустро,
Но до сих пор загадочная люстра
В театре давнем гаснет не спеша,
И замирает детская душа.

Да-да, конечно: зыбкость, скоротечность.
Но занавес ползёт по сцене вечность,
И я со сцены не спускаю глаз
Горящих. Я в театре в первый раз.

Героя звать Снежок. Он — негритёнок.
А янки негров мучают с пелёнок.
Бинокля я не выпущу из рук.
Идёт счастливой памяти настройка.
Ах, жизнь, ты ненадёжная постройка:
То пропадает видимость, то звук.

2012

Жить на свете — что может быть проще? —
И в июньской полуденной роще
Меж стволами бродить и бродить,
И, беседы утративши нить,
Всё брести, не заметив молчанья,
В сонной роще, где вечно качанье
И поскрипыванье ствола
И на землю стекает смола.

1969

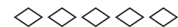
Я сказала себе, что я счастлива. Так и случилось:
Счастье, где б ни была я, меня находить научилось
Я сказала себе: всё в порядке, всё в полном порядке.
И любые невзгоды бегут от меня без оглядки.
Я сказала себе, что стихи прибегут ко мне сами,
И пришла ко мне Муза и смотрит большими глазами.
И осталось сказать себе: я с каждым годом моложе
И красивой. Надеюсь, и это получится тоже.

2012

Разговоры ведя или делая что-то земное,
Взять да вдруг распрявиться и руки на миг опустить,
В тишине наступившей услышать иное, иное
И увидеть, что чудо — на шарике этом гостить.

И счастливо — сказать уходящему мигу — счастливо,
Мой летучий, мой праздный, мой солнечный, мой голубой.
Ты ведь тоже творил на лету это дивное диво,
И как жалко, что мы не увидимся больше с тобой.

2008

Нет ни унынья, ни тщеты.
Есть банты, шарики, цветы.
Жизнь — детский утренник, поверьте,
Весть долгожданная в конверте,
Мгновений пёстрых конфетти.

Ну что ж, и я во сне кричу,
Но помнить сон свой не хочу.
Тьму напугав, включу фонарик.
А утром, взяв за нитку шарик,
Опять на праздник полечу.

2012

Лене Колат

А ты непременно себе заведи
Того, кто прижмёт тебя нежно к груди.
А если сие от тебя не зависит
И если тоска свою норму превысит,
Тогда заведи, пустоту не любя,
Котёнка, чтоб спал на груди у тебя.

2011

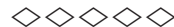

Я уловила верный пульс, я в ритм попала.
Вот капля первая прозрачная упала
С карниза ветхого. А вот летит вторая.
Погода ветреная, свежая, сырая.
Я — крохобор. Я собираю счастья крохи.
Капель весенняя есть тоже пульс эпохи —
То слишком медленный, то крайне учащённый.
Его нащупать может только посвящённый.

2012

А пока из этой жизни нас не выбили
Вижу иву, что согнулась в три погибели,
Вижу иву серебристую, плакучую,
Примоститься рядом с нею рада случаю,
Примоститься рядом с ивою над речкою,
Где плывут овечка следом за овечкою,
То есть облако пушистое за облаком —
Жизнь морочит нас своим смиренным обликом.
И гляжу я на неё глазами кроткими...
Что-то дни опять становятся короткими,
Но куда ни гляну — всюду золото чистое,
Исключение лишь ива серебристая.

1995

Зачем беду встречать на полпути?
Она сама прекрасно доберётся.
Ты лучше погляди, как счастье трётся
У ног твоих. Прижми его к груди,
Пока оно обиженным щенком
Или котёнком не ушло понуро
Из-за того, что ты глядишь так хмуро
Иль отгоняешь его прочь пинком.

2012

Тьма никак не одолеет.
Вечно что-нибудь белеет,
Теплится, живёт,
Мельтешит, тихонько тлеет,
Манит и зовёт.
Вечно что-нибудь маячит...
И душа, что горько плачет
В горестные дни,
В глубине улыбку прячет,
Как туман огни.

1993

Спасибо, что погода есть.
Она ведь есть у нас всё время.
То дождик капает на темя,
То сушь — и впору в воду лезть.

Я в среду рада, что среда.
В субботу рада, что суббота.
Мне быть счастливой так охота,
Ну так охота, что беда.

2011

Ослепительные дни
Длятся, не кончаются.
Маков яркие огни
Там и сям встречаются.

Рябь в глазах от пестроты
И от разных разностей...
Отложи свои труды,
Умирай от праздности.

День сверкает, точно брешь,
Мысль течёт ленивая,
Грушу спелую заешь
Столь же спелой сливою,

И следи полёт шмеля,
Иль следи за бабочкой,
Или как плывёт земля
Вместе с этой лавочкой.

2001

Ютясь на маленьком отрезке
Пространства, времени, пути,
Проснуться около пяти
И, поглядев на занавески,
Увидеть: их меняя цвет,
В них робкий прячется рассвет.
«Входи, — зову его, — с рождением!»
А он мне: «С ранним пробуждением!»

2011

Пена дней, житейский мусор,
Хлам и пена всех времён.
Но какой-нибудь продюсер
Будет ими так пленён,

Что обычную рутину
С ежедневной маетой
Переплавит он в картину,
Фонд пополнив золотой.

Будут там такие сцены
И такой волшебный сдвиг,
Что прокатчик вздует цены,
Как на громкий боевик.

...Сотворил Господь однажды
Нет, не мир, а лишь сырец,
Чтоб, томим духовной жаждой,
Мир творил земной творец.

1993

Боже мой, какое счастье!
Всё без моего участия —
Ливень, ветер, и трава,
И счастливые слова,
Что в загадочном порядке
Появляются в тетрадке.

2001

Не стоит жить иль всё же стоит —
Неважно. Время яму роет,
Наняв тупого алкаша.
Летай, бессмертная душа,
Пока пропойца матом кроет
Лопату, глину, тяжкий труд
И самый факт, что люди мрут...
Летай душа, какое дело
Тебе, во что оденут тело
И сколько алкашу дадут.
Летай, незримая, летай,
В полёте вечность коротай,
В полёте, в невесомом танце,
Прозрачайшая из субстанций,
Не тай, летучая, не тай.

1998

ПО ПЕРВОМУ СНЕЖКУ

Интервью Ларисы Миллер Александру Кукусу

А. К. Лариса, Ваша новая книга начинается стихотворением «По первому снежку». Параллель — ребёнок, который только что пришёл в этот мир, и вечность, которая «не спешит», — это очень глубоко. Наверно, так и надо жить — с чувством, что жизнь каждый день с чистой страницы, как по первому снежку, и что вот она, вечность, — всегда рядом с нами шагает. Скажите, а когда было написано это стихотворение, в каком году, веке, ведь у Вас восемь лет назад вышла книга — 800 стихов, итог работы за сорок лет?

Л. М. В январе этого года. То есть это «первый снежок» прошлой зимы. Оно нигде пока не напечатано, кроме блога «Стихи гуськом». Если бы не блог, так бы и лежало в столе. Этот блог просто настоящее спасение, ведь у него теперь уже примерно 600 ежедневных читателей, ни одно бумажное издание не может дать такого прямого контакта с заинтересованным читателем. И, благодаря блогу, я познакомилась с замечательным человеком — итальянским славистом и переводчиком Стефано Гардзонио, который перевел двадцать семь моих стихотворений и недавно привез мне поэтический альманах, в котором они опубликованы.

А. К. И снова, отталкиваясь от этого стихотворения про первый снежок, ребёнка, вечность. Это так далеко от тем на злобу дня. Огромная пропасть между этой картинкой и тем, что льётся на нас с экранов телевизора, с газетных страниц. Должен ли поэт перешагивать эту пропасть и впускать в свою душу всю эту злободневность?

Л. М. Но тут, по-моему, нет вопроса. Невозможно жить под стеклянным колпаком. Мы каждую секунду дышим воздухом, в котором разлита эта самая «злоба дня». Никуда от неё не денешься. Этот негатив разрушает душу.

А. К. Вы говорите, что негатив разрушает душу. А что её лечит? Вы где-то упомянули слова Пушкина «счастье есть лучший университет». Мы всё закаляемся в битве, в труде, но закаляем что-то не то, наверно.

Л. М. Да, мне эта мысль Пушкина очень близка. Удивительно: он — «наше всё», а при этом у нас совсем не пушкинское отношение к жизни. Здесь любят страдать. Здесь выработалась даже весьма опасная привычка к страданию. Мне гораздо ближе мысль Шаламова о том, что отрицательный опыт не нужен и ничему хорошему не учит. Страдание — не учитель, и не надо думать, что через него необходимо пройти, чтоб стать Человеком. Страдание вообще-то само о себе позаботится. Его всегда хватало в Российской истории. Да и вообще в мире.

Я не знаю, откуда взялась эта любовь к страданию. Может быть, такова наша ментальность. Может быть, это идёт от религии. Мол, пострадаешь здесь, зато там будет хорошо. И вообще, земная жизнь — дело преходящее.

Моя подруга, которую я очень люблю, но для которой тоже характерна любовь к страданию, сказала мне про мой последний стихотворный сборник «Четверг пока необитаем», что в нём много мажорных стихов, а ей по душе мои трагические стихи. «Светлые стихи писать легче», — сказала она.

«Нет, их писать труднее», — ответила я. В жизни так много трагичного, почти невыносимого, что найти причину, повод для радости невероятно трудно. У меня и стихи об этом есть: «Я так не хочу, чтоб учило страданье меня. / Мечтаю о том, чтоб меня только счастье учило...»; «О Господи, кого Ты больше

любишь — / Счастливых или тех, кто всё грустит?..»; «А ежели счастливым быть трудней, / Тебе он, Боже, разве не родней?».

А. К. Ну, наверно, это всё-таки православная христианская тенденция — пострадать.

Л. М. Наверное, и это мне чуждо. Я ни к какой конфессии себя не отношу. И не только поэтому. Мне вообще не нужны посредники. Я люблю общаться с небесами напрямую и вижу божественность жизни во всём: и в природе и в стихотворной строчке, и в музыкальной фразе. Вообще художник, в широком смысле этого слова, не может быть атеистом, поскольку ему всё даётся свыше или не даётся. Он не может не чувствовать некую вертикаль.

А. К. Не властную, слава Богу.

Л. М. Уж конечно. Это и вертикаль, и глубина. Для меня, когда я говорю «Бог, Господь», — это не фигура речи. Мне необходим некий абсолют, четвёртое измерение, с которым я общаюсь напрямую.

Ну а с кем мне ещё говорить? С небесами толкую. Небесам исповедуюсь. С кем мне ещё говорить? Да и кто может выдержать долго беседу такую? Кто ещё меня может вниманьем таким одарить?

Ну а им-то самим интересно со мной? Интересно? Ведь они высоки, глубоки, лучезарны, тихи. Всё земное для них, полагаю, и плоско, и пресно. Потому-то, наверно, я перешла на стихи.

Мне совершенно чужда мысль, что только религия делает человека нравственным и, если Бога нет, то всё позволено. А как же максима Канта о том, что существует звёздное небо

над нами и нравственный закон внутри нас? И, между прочим, уровень культуры играет не последнюю роль в формировании нравственного закона, о котором говорит Кант. А с этим у нас сегодня совсем плохо.

А. К. А я вспоминаю Вашу давнюю девяностых годов статью в Литгазете «Печальное равновесие», где Вы поминаете Берлин 1920-х, который превратился в оазис русской культуры в результате огромного притока русской интеллигенции, бежавшей из большевистской России.

Л. М. Это статья 1994 года. Тогда ещё казалось, что что-то можно исправить. С тех пор многое изменилось, к сожалению, в худшую сторону. Выросли поколения, вообще не соприкасавшиеся с великой русской литературой, поэзией. Сегодня я такую статью не написала бы просто из-за осознания полной бессмысленности этого занятия. Впрочем, мой муж, который занимается правами детей, почему-то надежды не теряет, называя себя «шизофреническим оптимистом». В том числе он уповает на то, что культуру можно вернуть детям и молодёжи с использованием новейших возможностей интернета, телевидения. Но я в этом ничего не понимаю.

Что касается Берлина, то это чистая правда. Произошла насильственная пересадка богатейшей культуры. Надо было очень постараться, чтобы здесь всё это уничтожить. На днях в «Российской газете» писали о девяти столетии так называемого «философского корабля», когда по личному распоряжению Ленина был выдворен из России цвет русской интеллигенции. Вот так и началось то снижение уровня, которое продолжается и по сей день. Хотя сегодня, конечно, иные его причины: коммерческая «игра на понижение» во всём. Тема эта скучная. Я только скажу о досаде, которую испытываю, когда люди, способные поднять планку, вместо этого её опускают ради каких-то сомнительных

благ. Хотя, слава Богу, в России всегда невесть откуда возникают и таланты, и подвижники, и разные чудики, на которых мир держится.

А. К. Да, иначе мы бы с Вами не беседовали сейчас. Кстати, у меня возникла такая мысль: вот когда-то Некрасов и Григорович явились чуть ли не ночью к Достоевскому, чтобы расцеловать его за его рукопись «Бедных людей». Может быть, это было наше детство, в том смысле, в каком античность — это детство человечества? Может быть, эта горячность прошла, потому что мы постарели?

Л. М. Ну нет. Я в это не верю. Никакого постарения. Просто сейчас эти обывательские установки — на успех, карьеру, пренебрежение к так называемым «лузерам» проникли в ту среду, которая призвана держать планку. А вот свойственные русской интеллигенции качества — бескорыстие, душевная отзывчивость, интерес к предмету, а не какие-то там второстепенные соображения — они не в моде. А постарение, изжитость — я в это не верю. Как и не верю в исчерпанность традиционной поэтики. Да всё с ней в порядке. Важно только кто ею пользуется. Самый традиционный стих может звучать очень свежо. И рифма себя не исчерпала. Если ею не пользуются на Западе, то это не значит, что её время прошло. Это как раз тот случай, где мы должны идти своим путём. Кстати, у меня недавно вышел двуязычный сборник в Голландии и переводчик Кейс Джискут перевёл мои стихи с сохранением и размера, и рифмы. На презентации книги в Амстердаме сперва читала я по-русски, а потом звучало удивительное эхо: тот же размер, та же рифмовка, но непонятный язык. Это читал свои переводы Кейс.

А. К. Кстати, Ваша подруга и замечательный поэт Наталья Ванханен мне рассказала, что, когда она на выступлении в Испании прочитала свои стихи по-русски, её спросили: «Вы что,

пели?» Вот как воспринимаются русские рифмованные и ритмизованные стихи.

Л. М. Да, там такое восприятие, но, думаю, мы должны беречь и лелеять уникальные свойства нашей поэтики.

А. К. Всё время обращаюсь к той Вашей давней статье «Печальное равновесие». Вы там писали, что неплохо было бы прививать школьникам любовь к слову и умение им пользоваться. Нужны уроки риторики.

Л. М. Да, юных американцев учат говорить, учат обосновывать и отстаивать свою точку зрения. Но мы сейчас говорим о литературе, о стихах. Мне кажется, что в ежедневный обиход классной, а также всяческой внеклассной работы, надо ввести простую вещь: чтение самими детьми вслух, не обязательно наизусть, можно по книге, и стихов и отрывков любимой прозы. Главное, чтобы это делалось в своё удовольствие, чтобы дети почувствовали, какое это наслаждение произносить великие строки.

И я правда очень обрадовалась, прочитав только что в газете о всероссийском конкурсе юных чтецов «Живая классика», в котором приняло участие два миллиона шестиклассников. Этот огромный интерес внушает надежду. Вот так и надо — не ныть, что всё утрачено и всё безнадежно, а что-то делать, памятуя, что жизнь каждый день начинается с чистой страницы, «по первому снежку», с чего мы и начали наш разговор.

СОДЕРЖАНИЕ

«Творенье — разве это труд...»..... 5	«Пели «Yesterday»...»..... 17
«Для грусти нету оснований...» 5	«И даже дома захотев остаться...» 18
«Идти по первому снежку...» 6	«Красное яблоко падает в снег...» 18
«Шито белыми нитками наше житьё...»..... 7	«Ну кто не забегал на огонёк?..» 19
«Зачем лета свои считать...»... 8	«А музыка нужна...» 19
«Дитя лежит в своей коляске...» 8	Звёздам прошлого 20
«Никто ведь не должен тебе ничего...»..... 9	1. «Ах, звёзды, красивые...».. 20
«Очень трудно быть живой...» 9	2. «Они же ведь ангелы...»... 21
«Люблю тебя, моё перо...» 10	«Четверг пока необитаем...» .. 22
«Сколько напора, и силы...» ... 11	«А вместо благодати...»..... 22
«В земном-небесном понимаю толк...»..... 12	«Боюсь, что я не потяну...» 23
«Идти на убыль не пора...» 12	«А мир творится...» 23
«А небо тоже одиноко...» 13	«О, этот сладостный язык!..» .. 24
«Храни нас Бог, храни...»..... 13	«Муза. Оборотень. Чудо...»..... 24
«Столько нежности, Господи...»..... 14	«А жизнь — она божественна...»..... 25
«А между тем, а между тем...» 14	«Моя любовь, моё проклятьё...» 25
«Ах, стрекоза Большое коромысло...» 15	«Люблю легенды...» 26
«Неслыханный случай...»..... 15	«Если ты музыкант...» 26
«Он петь хотел...»..... 16	«А дом нам для того...» 27
	«Между облаком и ямой...» 27
	«И поцелуй в реке...» 28
	«Этих дней белоснежная кипа...» 28

«А любовь до того молода...».. 29	«А Шуберт — музыка
«Не спугни. Не спугни...»..... 29	и есть...» 50
«Всё очень просто	«Не под музыку, нет...» 50
объясняется...»..... 30	«Не надо капать на мозги...» .. 51
«Иди сюда. Иди сюда...» 31	«Ритенуто, ритенуто...» 51
«Из пышного куста акации...» 32	«Нет, мы не плачем...» 52
«К юной деве Пан влеком...» .. 33	«Землю снова осветили...»..... 52
«Я говорю с пространством...» 34	«Ну а если я что и открыла...». 53
«Не больно тебе...»..... 34	«А у меня всего одна...» 53
«А был ли мальчик?...»..... 35	«Тончайшим сделаны
«На дерева дробится лес...» 35	пером...»..... 54
«Нас Бог послал сюда	«Так хрупок день...» 55
любить...»..... 36	«Чуть-чуть пишу...»..... 56
«Телячьи нежности...» 37	«Хоть бы памятку дали
«И вроде творит Он спустя	какую-то, что ли...» 56
рукава...» 38	«А если бы Господь наш был
«Неясным замыслом томим...».. 39	философ...»..... 57
Картина Пиросмани 40	«Идут по свету дяди, тёти...»... 57
«Так и маемся на воле...»..... 41	«Вроде просто...»..... 58
Сутин..... 42	«А я пришла сюда
«Цветы на окнах и в руках...» . 43	за светом...»..... 59
«Чтоб здесь подольше	«Неуютное местечко...» 60
задержаться...»..... 44	«А чем здесь платят
«Жить в краю этом хмуром...» 45	за постой...» 60
«Откуда всхлип и слабый	«Боже, как хорошо улыбаться
вдох...» 46	во сне...» 61
«Когда звучала сонатина...»... 47	«Ждали света, ждали лета...».. 61
«Но жизнь нам будет точно не	«А круг, на котором я плавала,
мила...»..... 48	быстро спустил...» 62
«А где же мелос?...»..... 49	«Встань, Яшка, встань...» 63
	«Всё ищешь опоры?...» 64

«Только будьте со мною...»..... 64	«Поверь, возможны
«А главное, чтоб мы	варианты...» 77
любили...» 65	«Не объявить ли
«Я вхожу в это озеро...»..... 65	забастовку?...» 78
«А мама собирается на бал...» 66	«Ещё не всё, не всё...» 78
«Прости меня, что тает лёд...» 66	«Уходить нельзя отсюда...»..... 79
«Вот пепел с сигареты упадёт...» 67	«Жизнь — исчезновение...».... 79
«Если память жива...» 67	«Вот какая здесь кормёжка...» 80
«Я от нежности таю...»..... 68	«Плывут неведомо куда...»..... 81
«Нельзя так серьёзно к себе	«Ах, как жалко мне тех...»..... 82
относиться...»..... 68	«Прозрачных множество
«Бессмертной я уже была...».. 69	полос...»..... 83
«Хоть верится слабо	«Нет, нас не надо добивать...» 84
в счастливый конец...»..... 69	«Слово — слеза...»..... 84
«А живём мы всегда	«Послушай, комарик...»..... 85
накануне...»..... 70	«У музы моей на лице
«Сил осталось — ноль...» 71	конопушки...» 85
«Мне время внушает...» 72	«Болела моя детская душа...».. 86
«Как под яблоней	«Первое первого, первое...» 86
неспелый...» 72	«Ну что не видала я тут, в самом
«Разве трудно позволить нам	деле?...» 87
быть?...» 73	«Жизнь побалуёт немного...» . 87
«Любовь до гроба...» 73	«Со слова бы надо пылинки
«А кто там притаился между	сдувать...»..... 88
строк?...» 74	«Пишу стихи...» 89
«Всё только сны и миражи...» . 74	«А Россия уроков своих никогда
«И с солнышком ложиться...» . 75	не учила...»..... 90
«Завершается всё полосую	«Предъявите своих
закатной...» 75	мертвецов...»..... 91
«Ну что, мой милый,	«Россия, ты же не даёшь себя
надышался?...» 76	любить...»..... 92

«И в чёрные годы блестели снега...»	92	«Ах, как ребёнку взрослые мешают...»	105
«Я тоже уроженка здешних мест...»	93	«Неужто этим дням...»	105
«А я мечтаю только об одном...»	93	«Да-да, конечно...»	106
«Утекайте отсюда скорее...» ..	94	«Жить на свете...»	107
«Спасибо тебе, государство...»	94	«Я сказала себе, что я счастлива	108
«А я, живя в неласковой стране...»	95	«Разговоры ведя...»	108
«Неужели Россия, и впрямь подобрел...»	95	«Нет ни унынья, ни тщеты...»	109
«Здесь мостик над речкой...» ..	96	«А ты непременно себе заведи...»	109
«Всё способно умереть...»	96	«Я уловила верный пульс...»	110
«А где же конверт...»	97	«А пока из этой жизни нас не выбили...»	110
«Люби без памяти о том...»	97	«Зачем беду встречать на полпути?...»	111
«Не пойму, где кончаешься ты...»	98	«Тьма никак не одолеет...» ..	111
«Я знаю тихий небосклон...» ..	98	«Спасибо, что погода есть...»	112
«А тогда, на начальном этапе...»	99	«Ослепительные дни...»	113
«То облава, то потрава...»	99	«Ютясь на маленьком отрезке...»	114
«Я малолетка. Я в Клину...» ..	100	«Пена дней, житейский мусор...»	115
«Московское детство...»	101	«Боже мой, какое счастье!..»	116
«И висело бельё...»	102	«Не стоит жить...»	116
«Кривоколенный, ты нетленный...»	103		
«Нет, послушай...»	104		
«Церемония ранних часов...»	104	<i>Интервью Ларисы Миллер Александрю Кукесу</i>	117

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Миллер Лариса Емельяновна Праздники по будням

Редактор
Лариса Спиридонова

Корректор
Дарья Басипова
Ольга Рыжова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Вёрстка
Светлана Спиридонова

Подписано в печать 22.02.2013.
Формат 70x108¹/32. Усл. печ. 5,6.
Бумага писчая.
Тираж 1000 экз. Заказ № ...

«Время»
115326 Москва ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 951 5568
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru